

ОБ ОДНОМ ПЕРСОНАЖЕ АРМЯНСКОЙ СВАДЬБЫ

Э. Т. КАРАПЕТЯН

Армянский кавор (*բաժոր*) — весьма интересный и сложный персонаж — является центральной фигурой в традиционном свадебном цикле, а также во время рождения и крещения детей новобрачных; кавор совмещает функции как посаженного, так и крестного отца. И в современной свадьбе, которая значительно упростилась по сравнению с традиционной, кавор, если он фигурирует, продолжает оставаться одним из главных персонажей.

В этнографической литературе по этому вопросу имеется довольно богатый материал. Экспедициями, организованными сначала Институтом истории АН Армянской ССР, а затем Институтом археологии и этнографии академии, в течение свыше чем десяти лет собран значительный материал, дополняющий, а частично и объясняющий имеющиеся в литературе описания.

В толковании происхождения армянского кавора существуют различные мнения. Армянский исследователь Г. Ипекян трактует кавора как праобраз языческого жреца¹, профессор Х. Самвелян склонен видеть в каворе идею родового или племенного вождя² и, наконец, М. О. Косвен высказал предположение, что армянский кавор не кто иной, как материнский дядя жениха³. Любопытно при этом, что основанием для всех приведенных мнений послужил один и тот же круг обычаев и обрядов, связанных с кавором, а именно: привод невесты в дом кавора перед тем как ее ввести в дом жениха, обычай избегать невестой встреч с кавором, в которых Г. Ипекян и Х. Самвелян склонны видеть проявление права первой ночи, а М. О. Косвен — остаток матрилокального поселения.

В образе армянского кавора мы имеем напластования различных институтов, одни из которых являются весьма архаичными, другие относительно позднего происхождения. В этом сложном сплетении возможно и отразились отдельные функции родового вождя, однако ключом к толкованию кавора является высказанное М. О. Косвеном предположение, что кавор — материнский дядя жениха, хотя и это определение не является полным, что объясняется, по-видимому, ограниченностью материалов, имеющих-ся в русской литературе, не отражающих весь сложный комплекс обрядов, обычаев и правовых норм, вскрывающих образ кавора. Между тем по данному вопросу, как мы уже говорили, имеется довольно богатый как литературный, так и экспедиционный описательный материал, который мы и представляем вниманию читателей.

Роль кавора особенно значительна во время свадебного цикла и крестин: в значительно меньшей степени она проявляется в реальных отношениях. При суммировании обширных и многообразных функций армянского кавора во время свадебного цикла мы имеем следующую картину: как только начинается свадьба, кавор, которого приглашает женихова сторона (приглашение это носит торжественный характер), становится во главе всех важнейших актов и церемоний. Кавор на свадьбе выступает в роли основного защитника и покровителя вступающей в брак пары. С обнаженной шашкой в руке он готов устранить все реальные и мнимые препятствия, встречающиеся на пути молодых. Кавор действует, однако, не столько силой, сколько словом — слово кавора закон как для жениховой, так и для невестинной стороны. Одна из главных и неизменных

¹ «Աղագրական հանդես», XXIV, № 1, стр. 104.

² Там же, XVIII, 1908, № 2.

³ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961.

обязанностей кавора — ввести невесту в дом жениха, ввести жениха в дом невесты в день венчания; оттуда кавор сопровождает молодых в церковь, из церкви приводит их снова в дом невесты, а оттуда — в дом жениха. Кавор возглавляет процедуру бритья, купания и одевания жениха. Он же завершает процедуру одевания и убранства головы невесты накрыванием на голову невесты покрывала и одариванием женщины, убравшей голову невесты. Кавор совершает магические действия, обеспечивающие деторождение: повязывает пояс на спину невесты, закрывает обмоченный в бычьей крови замок и т. п.

При рассмотрении роли кавора в сравнительно-историческом аспекте выясняется, что ряд функций кавора в аналогиях выполняет материнский дядя. Более того, на армянской свадьбе в отдельных более архаических вариантах вместо кавора выступает реальный материнский дядя, который у армян, в отличие от отцовского дяди *орехбаира* (*օրհորհայր*), называется керн (*քեր*).

Процедура привода невесты в дом жениха — главный акт свадебного цикла — у армян осуществляет кавор, у отдельных народов Кавказа — материнский дядя невесты⁴. Ритуальное бритье, купание и одевание жениха у армян возглавляет кавор, а в некоторых аналогиях — материнский дядя жениха⁵. Купание, бритье — реликты инициации, в выполнении которых, как известно, архаически особую роль играл материнский дядя⁶. Повязывание пояса — акт символического обеспечения деторождения — в отдельных вариантах той же армянской свадьбы входит в обязанность керн — материнского дяди невесты.

Особо остановимся на обычае привода невесты в дом перед тем как ввести ее в дом жениха. Разнотение именно этого обычая привело к различной трактовке вопроса происхождения кавора. В отдельных этнографических районах Армении еще в не столь отдаленное время, если невеста была из другого селения, то, прибыв в селение жениха, она останавливалась у кавора на несколько часов или на сутки. Отсюда ее вели в церковь венчаться, а потом и в дом жениха. Если же невеста была из того же селения, то свадебный corteж направлялся из дома невесты в дом кавора. Здесь всех участников свадебного corteжа угощали, а невесте мать кавора дарила покрывало на голову. После завершения пиршества в доме кавора свадебный corteж направлялся в дом жениха. Объяснение этому обычаю мы находим в работах М. О. Косвена, который видит в этом порядке пережиток положения, по которому «невеста принадлежала к своему материнскому роду, в эпоху перехода от матриархата к патриархату переходила в этот род, в род своей матери, к своему материнскому дяде, в тот дом, где она воспитывалась и откуда она выходила замуж»⁷. Интересно, что на вопрос, почему невеста останавливается в доме кавора, наши информаторы давали почти подобное же объяснение: кавор — родственник невесты, и поэтому она, прежде чем идти в чужой дом — в дом жениха, останавливается у кавора.

Данное объяснение подтверждается и другим обычаем, бытовавшим у армян Западной Армении еще в прошлом веке. Это — обычай возвращения (*դարձ*) невесты из дома жениха в дом кавора. При первом возвращении невеста гостила пятнадцать дней у своих родителей (пережиток матрилокального поселения), а затем шла в дом кавора, где она оставалась остальные пятнадцать дней, и оттуда возвращалась в дом мужа⁸.

Приведенные обычаи отражают взаимоотношения кавора и невесты. В аналогичных обычаях вскрываются отношения между кавором и женихом. В ряде вариантов свадьбы жених, перед тем как идти в дом невесты, идет в дом кавора, откуда вместе с кавором и его друзьями отправляется в дом невесты. В день привода невесты в дом

4 М. Ковалевский. Закон и обычаи на Кавказе. т. 2. М., 1890.

5 «Труды Института этнографии», 1951, т. XIV.

6 «Советская этнография», 1935, № 2.

7 М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 68.

8 «Աղյուսակներ հայկական», XXVI, стр. 175.

жениха последний, после завершения свадебного пира, отправляется в дом кавора, где ночует и лишь на следующий день возвращается домой.

Таким образом, анализ функций кавора во время свадебного цикла позволяет проследить связь между кавором и материнским дядей как жениха, так и невесты. Следует отметить, что в армянском традиционном свадебном цикле реальный материнский дядя почти не фигурирует, за исключением отдельных вариантов, где вместо кавора выступает материнский дядя невесты.

С завершением свадебного цикла кончаются неограниченные права и обязанности кавора как в отношении жениха, так и невесты. Между же домами кавора и жениховой и невестинной стороной устанавливаются отношения, носящие родственный характер. Кавор приравнивается к положению близкого родственника, пользующегося особым уважением. Он присутствует на всех семейных событиях, с его мнением считается как женихова, так и невестиная сторона.

Кавор — главная фигура при крещении ребенка. Как только у новобрачных рождается ребенок, об этом в первую очередь сообщают кавору. В день крестин повивальная бабка, принявшая ребенка, с подарками (с бараном и водкой) отправляется в дом кавора, просит его присутствовать на крестинах. Кавор посылает новорожденному простыню, шапочку, несколько метров ситца. В день крестин повивальная бабка берет ребенка на руки и вместе с родственницами жениха отправляется в церковь, куда приходит и кавор. После того как совершается крещение, кавор берет ребенка, заворачивает в простыню, посланную им в дом роженицы и принесенную в церковь повивальной бабкой, и отправляется в дом жениха.

Сам акт крещения и обязанности кавора, как крестного отца, и характер отношений между кавором (крестным отцом) и крестником — суть явления относительно поздние. В акте крещения мы видим, однако, трансформацию более архаических порядков. Примечательным в акте крещения является то обстоятельство, что в нем мужчины — родственники отца ребенка — и сам отец не участвуют. Более того, в день крестин, как и в день рождения, отец ребенка уходит из дома к товарищам. Кавор выступает в роли хозяина ребенка. В акте передачи кавором ребенка матери инсценируется право кавора на ребенка.

Кавор, как мы уже говорили, посылает новорожденному простыню, шапочку и несколько метров ситца и другие принадлежности детского туалета; это — так называемый саналат, дословно — одежда для воспитанника. Инсценировка права на ребенка, обязательные подарки новорожденному — реликты прав и обязанностей материнского дяди, перешедшие впоследствии уже в символизированном виде к кавору. Обычай саналата напоминает бытовавший до недавнего времени во многих этнографических районах Армении порядок, согласно которому приданое для новорожденного — люльку со всеми постельными принадлежностями — готовила мать новобрачной. Объяснение этому обычаю нужно искать в нормах материнского права. Обязанности кавора посылать новорожденному предметы детского туалета восходят к тем же нормам.

Ряд армянских пословиц красноречиво подтверждает высказанное предположение («Ребенок должен походить или на мать, или на отца, или на кавора», «ребенок из семьи жил одной походит на кавора», «жеребенок — в жеребца, мальчик — в кавора» или же «жеребенок — в жеребца, мальчик — в керн», «сын в керн, дочь — в деда» и т. д.⁹ Эти варианты — отражение различных стадий в развитии семейно-брачных отношений, причем варианты с керн отражают нормы материнского права, а варианты с кавором объяснимы только в предложенной трактовке: с исчезновением роли материнского дяди его замещает кавор.

В этом аспекте становятся понятны и некоторые нормы обычного права, соответствующим которым отношения между кавором и родственными группами как жениха, так и невесты приравниваются к степени близкого, кровного родства; архаически — это отношение между членами одной и той же родственной группы, отношения материнского

⁹ «Աղանդակ», Ереван, 1960.

родства. Следует отметить, что ни в средневековых судебниках, ни в канонах армянской церкви, строго регламентирующих брак не только родственников, но и свойственников, нет статьи, запрещающей брак между представителями родственной группы кавора и родственных групп жениха и невесты. Эти нормы обычного права — остатки архаических норм материнского родства, которые со временем церковь приравнивала к духовному родству, устанавливаемому посредством крещения.

Кавор по нормам армянского обычного права должен быть из одного и того же рода. Каворство передается по наследству по мужской линии. Кавором может быть и ребенок, если в роде нет взрослых, но никогда не женщина. Один «азг» (род) может числиться кавором другого «азга» в течение двух и больше столетий. Этот порядок, нам кажется, восходя исторически к дуальной экзогамии, впоследствии строго соблюдался в силу все еще сохраняющейся экзогамии между указанными кровнородственными группами, ибо нарушение этого порядка исключало бы браки не только внутри одного селения, но и за пределами его.

Предложенная трактовка кавора находит подтверждение и в вариантах известного армянского эпоса «Давид Сасунский», который насчитывает тысячелетнюю историю, а некоторые мифы и сказания, вошедшие в эпос, восходят к глубокой древности. В эпосе красной нитью проходит собирательный образ Кери Тороса. Он — материнский дядя — и его племянники — из одного материнского рода. Сменяется одно поколение за другим, а Кери Торос остается основным защитником и покровителем своих племянников. Он кормит, растит и воспитывает их, устраивает браки, крестит детей своих племянников, нарекая им имя. Ни в одном из многочисленных вариантов эпоса мы не встречаем кавора. Вместе с тем при сопоставлении функций Кери Тороса и кавора мы видим полное совпадение, с той лишь разницей, что Кери Торос выступает в реальных отношениях, а кавор является лишь персонажем свадьбы¹⁰.

Следует отметить, что образ Кери Тороса наиболее выпукло представлен в моеских вариантах эпоса, которые профессор К. Мелик-Оганджян — известный исследователь армянского народного эпоса — считает наиболее архаичным. В более поздних вариантах мы видим разделение названных функций между Кери Торосом и опекуном — Дзенов Овнаном, что является более поздним напластованием, отражающим историческое превращение материнского дяди в воспитателя-опекуна. И, наконец, в мушских вариантах Дзенов Овнан превращается в отцовского дядю в результате утвердившихся патриархальных отношений.

Кавор — термин относительно позднего происхождения; это диалектная форма, образовавшаяся от терминов кнкаайр-кнкавор — крестный отец. Кавор в значении посаженного отца и крестного был введен в литературный оборот в армянской действительности во второй половине XIX в. До XIX в. мы не имеем никаких прямых или косвенных данных о свадебном каворе. В средневековой литературе встречается термин *кнкаайр* — в значении крестного отца. Это — термин христианской церкви. Термин же кавор — более широкое понятие: он означает как свадебный кавор, так и крестный — кнкаайр.

Значительно больший интерес представляет термин санаайр (*սանահայր*), синоним кнкаайра, дословно — отец воспитанника. При этом термин санаайр в значении крестного в ранней средневековой литературе был более распространен, чем термин кнкаайр. В известном армянском словаре «Нор баргирк айказян лезви» термин этот толкуется как «отец и мать ребенка, который является саном (воспитанником. — Э. К.) других, которые являются кнкаайр и кнкамайр»¹¹. Следует отметить, что подобное толкование термина санаайр является смешиванием раннего значения санаайр (воспитатель, кор-

¹⁰ «Սանահ ծներ», խմբագրությունը Մ. Արեղյանը, արժանատի թյաժր Կ. Անիի և Օհանջանյանի, հատ. I, 1938, հատ. II, 1944, հատ. III, 1951.

¹¹ Սանահայր, սանահայր — ոմկ. սանահար, սանահար, հայր և մայր դաւազրո, որ լիա է սան ալլոց՝ որը կոչին կնքահայր և կնքամայր (սնոր բաղդիրը հանապետան լեզուի, հատ. 2).

милец, опекун) с поздним (крестный). Термин санаайр, как свидетельствует литературный и экспедиционный материал, употребляется в позднем его осмыслении как в значении отца ребенка, так и в значении крестника. Превращение санаайра—воспитателя, опекуна—в крестного нужно считать явлением поздним. Армянский санаайр—воспитатель, опекун, кормилец — образовался от «сан», который имеет значения питомца, воспитанника, приемного сына и крестника. «Сан — человек, воспитанный другим, который как бы усыновил его»¹². Термин «сан» по объяснению профессора Г. Ачаряна происходит от глагола снанел, снуцанел (*սնանել, սնուցանել*) питать, кормить¹³.

Сан в значении воспитанника, а снуцанел в значении кормить, воспитывать мы встречаем у армянских историков раннего средневековья. Так, в «Истории Фавстоса Бюзанда» Артавазд и Васак воспитывали (снуцанелин) сына царя Аршака. Оставили его своим воспитанником (саном)¹⁴; «Аршак и Вагаршак взяли Манвела — спарапета — воспитывать (снуцанел)¹⁵. По сообщению историка Егише, «а даяк младшего сына Иаздикерта из рода Миран захватил сана царя, приказал убить его и возвел на престол своего сына по имени Пероз»¹⁶. Во всех приведенных отрывках «сан» употребляется в значении воспитанника. В ранней средневековой литературе в значении крестника употребляется термин «сан авазанен» (*սան ավազանեն*)¹⁷. В значении воспитателя употребляется термин даяк (пехлевийского происхождения), который означает кормилица, кормилец, воспитатель.

Приведенный лингвистический материал не оставляет сомнения, что воспитатель, кормилец, опекун более архаическое значение термина «санаайр», и лишь с христианской церковью связано его позднейшее превращение в крестного. Как смысловое значение, так и этимология термина «санаайр» вполне совпадает с русским термином кормилец, который, как пишет Е. В. Горданов в статье «Кормильство в Древней Руси», восходит к слову кормить, что значит воспитывать¹⁸. Точно так же слово «санаайр» восходит к слову «снуцанел», что значит кормить, питать, воспитывать. Слово «санаайр», дословно—отец воспитанника, в смысловом значении имеет общее со словом «атталык», который, как известно, происходит от турецкого слова атта — отец. Такое совпадение значения и этимологии названных терминов нам кажется не случайным. «Санаайр» в исконном значении — воспитатель, кормилец, атталык. О существовании у армян в раннефеодальный период обычая отдавать царями детей на воспитание старшим князьям, а детей старших князей — младшим имеется довольно много свидетельств армянских историков. Этот порядок не что иное, как институт атталычества, который, как показал М. О. Косвен, «весьма своеобразно и специфически превращенный, принявший пережиточные, в значительной мере неузнаваемые, целиком обусловленные феодальными отношениями формы, старый порядок перехода детей в материнский род»¹⁹. В условиях высокого социально-экономического и культурного уровня развития феодальной Армении институт атталычества, как пережиточная форма, исчезает; вместе с тем реликты его сохраняются в образе армянского кавора.

В сложном комплексе взаимоотношений кавора и всей его родни со стороны жениха и невесты и их родственных групп отражены в пережиточной форме права материнского дяди. Кавор архаически — материнский дядя как жениха, так и невесты. На близость крестного отца и материнского дяди у других народов указывает и М. О. Кос-

¹² Սան — առնուց սնանիլ և սնուցանել, որպէս անոն սնեալ ընդ ձեռամբ ալլոց, և իրրկ որդիացեալ նմա (там же).

¹³ Հ. Աճառյան. Հայերեն արմատական բառարան, 2 հատոր.

¹⁴ «История Армении Фавстоса Бузанда», Ереван, 1953, стр. 39.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Եղիշէր Վանն Վարդանայ և հալոց պատերազմին, Ереван.

¹⁷ См. «Նոր բառերի բացատրական բառարան».

¹⁸ «Советская этнография», 1959, № 6, стр. 45.

¹⁹ Там же, 1963, № 3, стр. 104.

нен. Восходя генетически к материнскому дяде, кавор впоследствии воплощает также функции воспитателя — атталыка, превращенной формы того же самого института.

Кавор, как свадебный персонаж, имеет свою историю развития, обусловленную развитием и усложнением свадебного цикла, который в драматизированной форме отражает различные моменты из истории брака.

Кавор — институт относительно позднего происхождения. Как персонаж свадебного цикла, он мог появиться в условиях патриархального рода. С дальнейшим утверждением патриархата и с постепенным исчезновением пережитков материнского права персонаж свадебного обряда — кавор в символической, обрядовой форме воплощает те права и обязанности, которые в соответствующей социальной среде выполнял материнский дядя, а в последующем — воспитатель-атталык.